

Ranneye Utro. 1912, December 6.

Раннее Утро. 1912, 6 декабря.

Concert Reviews.

The Philharmonic's fifth symphony concert was the last to be conducted by Rachmaninoff. It must be acknowledged that all five events of the current season represent a golden chapter in the Philharmonic's musical life.

If I am not mistaken, this year marked the first time in the talented conductor's career that he led a full series of major concerts featuring a diverse program—one that did not include a single work of his own composition.

Thus, Rachmaninoff revealed the full stature of his powerful and distinctive gift.

We are fully justified in saying that Russia has given the world a great conductor of immense significance. A defining characteristic of Rachmaninoff the conductor is his rare conscientiousness and capacity for hard work; combined with his genius, intuition, and taste, these qualities place him head and shoulders above others—including European artists.

Compare Rachmaninoff, for instance, with another great master of the baton: Arthur Nikisch. With the latter, everything hinges on inspiration—a radiant beam of light upon which he always relies.

Yet, when it comes to the actual work, to constant self-improvement, and—above all—to a conscientious approach to works of art, Nikisch is undoubtedly surpassed by Rachmaninoff. The former's conducting can be brilliant at times, yet at others, frankly weak. The second was brilliant—or at the very least, excellent.

With Rachmaninoff, there are no extremes.

There are none because he knows everything he plays by heart; he has studied every detail with meticulous care.

Be it a masterpiece by a universally acclaimed genius or a gifted work by a budding composer.

Rachmaninoff concluded his Philharmonic performances just as brilliantly as he had begun them.

The program was dedicated to Russian composers.

At its heart lay Borodin's Symphony in B minor—a stumbling block for every conductor. Written somewhat clumsily, with a disjointed structure and instrumentation that lacks virtuosity, it presents significant challenges in performance. The composer himself realized this, as did his close friend Rimsky-Korsakov; the latter recounted how, prior to one concert, he and Borodin had to "give a great deal of thought to certain revisions in the symphony's orchestration"...

Consequently, the sonority of certain passages in the Scherzo—particularly the syncopated sections—had to be considerably lightened. In his letters, Borodin notes, among other things, that he had often discussed the work's flaws with Liszt; yet, like a true great artist, he resisted making alterations, finding unique merits even within those very imperfections.

Rachmaninoff emerged triumphant. The "Sesame" that had long remained sealed finally opened for him—revealing the full beauty of the work's inner essence. Like the legendary bard Bayan, the conductor recounted the heroic deeds of the "bogatyrs" and the feasts of Vladimir the Fair Sun.

Beneath the inspiration, one sensed a vast, inventive, and resourceful intellect, as well as immense erudition.

Glazunov's "Spring" rang out with poetic radiance, while Rimsky-Korsakov's brilliant tone poem "The Battle of Kerzhenets" was delivered with captivating, dazzling intensity.

Cellist Pablo Casals concluded this artistically brilliant concert with a magnificent performance of the Dvořák concerto and several encores.

Nikolai Kurov.

[Translation: Google]

Въ Концертахъ.

Пятый симфоническій концертъ филармонія былъ послѣднимъ концертомъ подъ управленіемъ Рахманинова.

И, надо отдать справедливость, всѣ пять собраній текущаго сезона являются золотой страницей въ музыкальной жизни филармоніи.

Если не ошибаюсь, за все время дѣл-тельности талантливаго дирижера онъ впервые въ этомъ году провелъ цѣлую серію отвѣтственныхъ концертовъ съ разнообразной программой, въ которую не было включено ни одного сочиненія дирижера.

Такимъ образомъ, Рахманиновъ предсталъ предъ нами во весь ростъ своего могучаго, своеобразнаго дарованія.

И мы имѣемъ полное право сказать, что Россія дала міру великаго дирижера, значеніе котораго огромно. Отличительная черта Рахманинова-дирижера-рѣдкая добросовѣстность и трудо-способность, что въ связи съ геніальнымъ талантомъ, чутьемъ и вкусомъ ставить его на голову выше другихъ и въ томъ числѣ европейскихъ артистовъ.

Сравните, на примѣръ, Рахманинова съ другимъ великимъ художникомъ въ области управленія оркестромъ - Артуромъ Никишемъ.

У послѣдняго все въ вдохновеніи, которое его озаряетъ свѣтлымъ лучомъ, на которое онъ всегда падѣтся.

Но въ работѣ, въ постоянномъ совершенствованіи, наконецъ, въ добросовѣстности отношенія къ произведеніямъ искусства Никишъ безусловно уступаетъ Рахманинову.

Первый дирижируетъ иногда геніально, иногда прямо слабо.

Второй - геніально или очень хоро шо.

Крайностей у Рахманинова не бываетъ.

Не бываетъ потому, что все, что онъ играетъ, онъ знаетъ наизусть, до топкиости протудировано имъ.

Будь то великое произведеніе всѣми признаннаго генія, или даровитое сочиненіе пачинающаго композитора.

Закончил Рахманиновъ свои выступления в филармонии так же блестяще, какъ и начал.

Программа композиторовъ русскимъ посвящена.

Во главѣ ея - симфоніи h-moll Бородинъ - камень преткновенія всехъ дирижеровъ.

Написанная пѣсколько неуклюже, клочковато по формѣ, не виртуозно инструментованная, она представляетъ благодаря этому большія трудности для исполненія. Это сознавалъ самъ композиторъ и его близкій другъ Римскій-Корсаковъ, который самъ говорилъ, что передъ однимъ изъ концертовъ ему съ Бородинымъ пришлось «очень много подумать надъ кое-какими передѣлками въ инструментовкѣ симфоніи»...

И въ результатѣ пришлось значительно облегчить звучность мѣстъ въ скерцо, въ частности, въ синкопахъ. Бородинъ въ своихъ письмахъ указываетъ, между прочимъ, что онъ не разъ говорилъ Листу о недостаткахъ сочиненія, по великимъ художникамъ предостерегалъ его отъ передѣлокъ, такъ какъ находилъ въ недостаткахъ своеобразныя достоинства.

Рахманиновъ первый вышелъ побѣдителемъ. Долго не открывавшійся Сезамъ передъ нимъ открылся. Открылся во всей красотѣ внутренняго содержанія.

Какъ весь Баянъ, рассказалъ намъ дирижеръ о подвигахъ богатрей, богатырей, о пирахъ Владимире Краснаго Солнышке.

Въ связи съ вдохновеніємъ чувствовался громадный умъ, изобрѣта-тельный и находчивый, чувствовалась огромная эрудиція.

Поэтично, свѣтло прозвучала «Весна» Глазунова, захватывающе, ослѣ-пительно ярко прошла геніальная картина Римскаго-Корсакова - «Битва при Керженцѣ».

Віолончелистъ Пабло Казальсъ перед восходнымъ исполнимъ концерт Дворжака и нѣсколькихъ на бис завершилъ это блестящая въ художественномъ отношеніи. церъ. Николай Куровъ.